

Апрель

Едва услышав имя этого месяца, ласкающее слух сочетанием мягких звуков, мы поймём: вот-вот придёт на землю что-то светлое, тёплое, радостное. Робким котёнком, неслышимым и невидимым, просочится молодой апрель в кроны деревьев, в заснеженные пока поля, в страшные глазницы покинутых изб, а с рассветом начнёт наводить свои апрельские порядки. Словно рыжий конь, вознесётся, в чистую лазурь неба, солнце. И там, где волшебные лучи его, достигнут земли, сразу потеплеет, снег окрасится в мягкий розовый цвет, а озорные ручейки побегут наперегонки будить реки. Воспримет мир божий. Всё придёт в движение, но хитроумному сорванцу апрелю и этого мало. Подай ему красоту необыкновенную. Подчиняясь его желанию, даже растрёпанная серая ворона подчистится, чуть подсветит свой наряд, и, усевшись на повеселевшую берёзу, вообразит себя жар-птицей. Крикнет, чтобы все обратили внимание. Зря крикнет; вымахнет из ближайшего леса ястреб-тетеревятник, увидит серую воображаю и молнией метнётся к берёзе. Несдобровать бы вороне, но в апреле никому нельзя умирать, а потому стая нарядных галок, сорвётся навстречу ястребу и поднимет гвалт «на всю ивановскую». Да такой, что хищник, оглохший и нецензурно оскорблённый, повернёт к месту покинутой засады.

Всё живое в этом замечательном месяце сходит с ума. На что зайцы, народ трусливый, а потому благонадёжный и в сентиментальности не замеченный, вдруг совершенно потеряют свою длинную голову, соберутся в кучу на опушке леса и не только не прячутся, а, наоборот, выставляют себя напоказ, носятся друг за другом, как угорелые, а некоторые в нарушение техники безопасности верещат даже.

У рябчиков пересвист начинается, закрепление территорий и особые отношения к дамам. Звенят колокольчики в весеннем лесу, и люб человеческому сердцу их таинственный нежный призыв. Невольно улыбнёшься, когда воинственный петушок выскользнет из чащи и, не скрываясь, сядет на голую берёзовую ветвь. Жених, по высшему разряду, всегда пёрышко к пёрышку, и бровь алой кровью налилась, и ботиночки ещё зимние, пухом окаймлённые: красавец!

Глухари и тетерева в предутренней темноте песнопение начинают. По человеческому уложению, это, вроде как, нарушение трудовой дисциплины, а в природе другой расклад и даже зарянка - птичка с гулькиным носом - это знает. Про петухов и говорить нечего.

Только у людей всё наоборот.

Утром быстрее на работу; не до песен. Вечером устанешь, отдохнуть бы. Ан, нет. Соседи нарочного шлюта: праздник у них, видите ли, троюродная племянница, где-то в Усинске живущая, по его указу президента о материнском капитале родила. Без указа она, видите ли, не могла. Ну, у соседей, понятно, праздник. Егорьев день. Племянница так сына прозвала. Вот и получается; она там из жадности родила, а ты тут, несмотря на усталость, водку пей, а потом ещё «поговорить». Сосед в грудь себя колотит: «Все великие люди родились в апреле». Перечислять начнёт: «Ленин, Гитлер-кровосос, и вот Егорка - пока ещё не определился». Стемнеет уж, а праздник в разгаре. Гармониста от тёплой жены изымут, стакан соответственно нальют. И вдоль по улочке тихой уснувшей деревни вдруг, как-то исподволь, грозно, словно ночной гром покатытся такие слова, от которых, у ребятешек, наблюдающих за праздником с полатей, забегают по спине холодные мурашки: «Плещут холодные

волны» или «Под снегом-то братцы лежала она». И так в яви всё спетое представляется, что истовый страх вплеснётся в горячую кровь малолеток. Прижмутся друг к другу. Но вдруг перебрал басы гармонист, и, наполняя непонятым волнением, добрые маленькие сердечки зазвучит: «Словно замерло всё до рассвета». И потому, как старательно и нежно выводят взрослые каждое слово знакомой песни, ясно ребёнку: вот она Любовь. И на ней всё держится.

Наконец, гости расходятся.

Утром подстынет. Кто не катался по насту с полевых взлобков на подбитых железом санках, тот не знает, что такое восторг, что такое умопомрачительная скорость, и того не драли вицей за оборванные пуговицы на фуфачке. Жизнь! Прокрути немножко назад, в те

времена, когда от детского смеха звенел утренний воздух, когда все угоры были до льда укатаны многочисленной и, ей Богу, счастливой детворой.

В тёплом хлеве прижался к материнскому боку телёночек Мартик. Лежит, полёживается. Хорошо ему. Молочный завод всегда рядом. Сенца, конечно, прихватит иногда, но это ещё не его корм. По крестьянским проверенным веками расчётам, любому телёночку, родившемуся после нового года, должно быть оставлено два центнера сена. И, если они хранятся на повити, то Мартику уже ничего не страшно. Будет расти не по дням, а по часам. Рано утром хозяйка зайдёт, и либо ему протянут ласковые губы к её рукам. Наверня-

ка там ломтик подсолённого хлеба есть. Слизнёт его шершавым язычком и довольнётся. Не знает ещё, что скоро отсадят его от материнских сосков, и это будет первым большим горем в его телячьей жизни.

Апрельское тепло топит снег даже в таёжных сузёмах. Ожидая пополнения, пришли туда осторожные лосихи.

Медведица с медвежатами в поисках пропитания подходит к скотным дворам и на околицы деревень.

Под всеохватывающий рокот тетеревов веселится на проталинах птичья мелюзга. В деревнях, у отвоёванных от воробьёв домиков, вытянувшись в струнку, самозабвенно поют скворцы. Посмотришь, и станет ясно, кто учил оперных артистов. Грачи хлопочут у гнёзд. Голосок у них, не приведи господи, но, к удивлению, вполне вписывается во всеобщее ликование природы.

Вот уж махоньким жёлтым огоньчком зацвела на южном склоне мать-мачеха, а за ней чудо земное хрупкое и такое долгожданное - медуница.

Только не срывайте, пожалуйста. В пять минут повянут разноцветные мохнатые колокольчики. Не срывайте, пожалуйста!

Апрель! Почему-то хочется упасть на проталину подсохшей земли, и, ощутив могучий рокот сил возрождения, снова поверить в победу любви и добра.

Скоро, скоро земной рокот усилится, и на всём протяжении речной излуины под радостные и отчаянные крики чаек сдвинется, издавая могучий сливающийся гул, речной лёд.

В высоком небе - стая белых лебедей. Радость и любовь в человеческом сердце. Что говорить, апрель!